

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Ракицкий
История Алмазовых

«Автор»

2026

Ракицкий А.

История Алмазовых / А. Ракицкий — «Автор», 2026

Эта история двух детей, детство которых прошло в тяжёлых условиях. В этих условиях им пришлось учиться выживать и держаться друг за друга. После трагической смерти отца они остались с матерью, чья жизнь была омрачена тяжелой наркотической зависимостью. В результате детям было уготовано будущее, о котором они даже не подозревали.

© Ракицкий А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

История Алмазовых

Глава

От автора: сюжет вдохновлён реальными событиями. Это не документальная хроника, а художественное осмысление произошедшего — поэтому многое переосмыслено и изменено в художественных целях.

Внимание! В рассказе содержатся сцены насилия, а также упоминания об употреблении алкоголя и наркотических веществ. Автор не пропагандирует подобное поведение и не призывает к его повторению. Указанные элементы используются исключительно в художественных целях — для передачи атмосферы и раскрытия характеров персонажей. Произведение предназначено для читателей старше 18 лет.

«А ведь дети — образ Христов: „Сих есть Царствие Божие“. Он велел их чтить и любить, они — будущее человечество...»

Фёдор Михайлович Достоевский, «Преступление и наказание»

Часть первая

Примерно около полудня, в середине октября, по улице шёл мальчик. На вид ему было около тринадцати лет: он был высокого роста, худощавый и слегка сутулый. Из-за своих размеров для своего возраста он казался немного старше своих лет. На самом деле ему было только одиннадцать.

Практически не поднимая глаз, он смотрел вниз, на тротуар, держа в фокусе внимания какую-то жестяную консервную банку и пиная её перед собой ногами.

В правой руке он крутил сухую палку, выломанную только что возле школы, а за левым плечом у него висел старый брезентовый рюкзак, напоминавший по виду солдатский обтрёпанный вещмешок зелёного цвета, который он придерживал левой рукой за ляжку.

Так как уже началась вторая половина октября, осень была в самом разгаре, в самой своей красе. По бокам от тротуара, по которому он не спеша и задумчиво шагал домой, возвышались старые высокие деревья. Это были довольно-таки взрослые каштаны с красивыми жёлтыми листьями, в некоторых местах слегка опалёнными жарким летним солнцем. В высоту они были около десяти метров, и можно было предположить, что по возрасту они не старше пятнадцати или двадцати лет.

Большая часть плодов уже давным-давно созрела и превратилась в падалицу. Аллея была усыпана коричневыми твёрдыми плодами, и часть их ещё оставалась на ветках.

На юге страны каштанов было много, так же как и буков, дубов и можжевельника. Это был Краснодарский край, небольшой городок Хадыженск с численностью населения около двадцати тысяч человек.

Мальчишка остановился на некоторое время, поднял с земли три коричневых каштана, задумчиво посмотрел на них и положил в карман серых брюк, слегка его оттопырив.

Кроме серых брюк, на нём был надет шерстяной свитер с коричневым орнаментом. Под свитером — голубая рубашка, которая торчала снизу из-под свитера и была не заправлена в брюки. На ногах были светлые изношенные кроссовки, потрескавшиеся от старости.

Посмотрев налево, а потом направо, он перешёл дорогу по пешеходному переходу. Это была «зебра» без светофора.

В их маленьком городе светофоров в принципе было немного, так как поток транспорта был невелик. Светофоры устанавливали в основном только на главном шоссе, пролежавшем

вдоль всего города, да и на нескольких крупных перекрёстках. Поэтому большинство пешеходных переходов были без светофоров, а ещё чаще их и вовсе не было.

Это были лихие девяностые. А если быть точнее — 1993 год. После развала Советского Союза это был самый пик — пик хаоса, беспредела и беззакония. Страна была в катастрофическом упадке. Закрывались предприятия, заводы, фабрики, и часть из них сразу же продавалась в частные руки за бесценок. Сельское хозяйство практически исчезло — всё разворачивали подчистую. Рабочих поголовно сокращали без выплаты пособий, и люди оставались на улице. Работы не было, и многим нечем было кормить семьи. От безысходности многие люди опускали руки и впадали в отчаяние. Разгул алкоголизма и наркомании в эти годы был самым высоким за всю историю страны. Самые слабые — те, кто не справлялся с трудностями, — либо спивались, либо садились на иглу. А в некоторых случаях даже сводили счёты с жизнью.

Страной, по сути, никто не управлял. В Белом доме в Москве заседали целые этажи американских дипломатов, которые учили Россию, как закрывать заводы, распиливать самолёты и строить самое демократическое и счастливое общество. А в это время лидер государства, который и сам был не прочь присосаться к бутылочке, выступал перед конгрессом США со словами: «Господи, благослови Америку».

Милиции на тот момент уже практически не существовало. Ну, то есть она была, но номинально — просто числилась и свои функции не выполняла. Вся власть была сосредоточена в руках бандитов, отдельных преступных группировок и даже целых синдикатов. Это были формирования, объединённые из нескольких преступных группировок с целью устранения конкуренции. Они зачастую действовали жёсткими методами, если просто словами не удавалось (как они называли) «склонить к сотрудничеству» тех или иных бизнесменов, сотрудников силовых структур или политиков.

Так как многие оставались без работы, то те из них, кто не пошёл по наклонной и не сломался, имея мало-мальски силу воли, терпение и мозги, начинали свой бизнес. Как только кто-нибудь открывал свой магазин, кафе, автозаправку или даже просто ларёк, уже через пару-тройку дней к нему приходили бритоголовые братки — в коже, золоте и с барсетками — и предлагали сотрудничество. Под сотрудничеством подразумевалась покупка у них их же услуг — услуг защиты и покровительства. Но, как потом в процессе разговора выяснялось, это была защита от них же самих.

Те, кто соглашался платить им регулярно дань и быть под их «крышей», продолжали работать, хоть иногда и в убыток себе. А тех, кого возмущал такой безнравственный способ сотрудничества и кто пытался возразить, в лучшем случае лишали предприятия — оно сгорало, а в худшем — их трупы через месяц-два находили в одном из отстойников за городом. И самое обидное было то, что жаловаться было некому: вся милиция была куплена, а власти толком не существовало. Те, кто убивал простых людей и потом скидывал трупы в отстойники с дерьмом, и являлись той самой, что ни на есть, властью.

На одной из центральных улиц города, улице Заречной, как раз и располагалась небольшая, вновь открывшаяся пекарня, которая работала под патронатом местных бандюганов. Вывеску над входом с названием "Шарм" и высокий стеклянный фасад, было видно издалека. Это было одно из самых новых, современных и заметных заведений на всей улице. Так как улица Заречная была в центре Хадыженска, то нетрудно догадаться, что большая часть заведений была сконцентрирована именно на ней. Сама улица, по меркам небольшого городка, была широкой, и по обе стороны от неё располагались тротуары, разделявшие все заведения от самой дороги. В центре улицы, справа, находилась небольшая площадь с вечным огнём, по бокам от которой был уютный сквер с тонкими аллеями и лавочками вдоль них. Напротив сквера, через дорогу, возвышался театр юного зрителя. Это всё было наследие уже разру-

шенного Советского Союза. И большинство всех зданий на Заречной, были из той эпохи, за исключением некоторых, которые постепенно появлялись в обновлённом виде. В том числе и новенькая пекарня "Шарм", напротив которой остановился наш паренек, перейдя пешеходный переход.

Он остановился на тротуаре прямо напротив огромного витражного окна — оно было практически во всю стену. Стекло было кристально чистым: его мыли практически каждый день, в отличие от большинства магазинов на этой улице, которые являлись пережитком разрушенного Советского Союза и пока не обрели своих новых хозяев.

Сквозь лёгкие узоры на стекле внутри пекарни виднелась витрина со свежее испечёнными кондитерскими изделиями. Правее от витрины стояло несколько маленьких круглых столиков со стульями вокруг них; за ними сидело несколько посетителей — они пили кофе с круасанами. На ярко освещённой витрине красиво располагались тёплые, только что испечённые круассаны. Их было несколько видов: с варёной сгущёнкой, с клубничным джемом и со сливочным кремом-пломбиром, покрытым сверху глянцевой шоколадной глазурью. Рядом с круасанами красовались сладкие чизкейки со взбитым сливочным творогом и кофейно-ореховым суфле. Чуть дальше, в глубине витрины, в форме улиток лежали золотисто-румяные булочки со сливочным кремом внутри, посыпанные корицей, а также другие разнообразные десерты и выпечка.

Пацанёнок даже не знал, как называются эти роскошные вкусности. Он просто молча стоял перед окном, чуть приподняв подбородок и вытянув нос вперёд, и застенчиво смотрел на витрину. Постояв так с минуту, не отрывая глаз от витрины, он сглотнул слюну: его выпуклый кадык поднялся и сразу же опустился.

Неожиданно дверь пекарни отворилась, и из неё шумно и весело вышла молодая семья: мама, папа и двое маленьких детей. Младшую дочку папа держал на руках и, весело смеясь, что-то рассказывал жене. У девочки на руках у папы был огромный красный бант, она жевала булку. Рядом мама вела за руку сына: он, насколько только можно, высунул язык и лизал сливочное мороженое, не отрывая от него глаз. Внезапное появление семьи заставило мальчишку оторвать взгляд от витрины и перевести его на них. Они его даже не заметили. Энергично перейдя тротуар, они сели в машину и уехали. Мальчик провожал их взглядом, и словно лёгкая грусть накатила на его лицо.

Так как он был высокого роста и худощавый, овал лица у него был немного продолговатый. Высокий лоб, короткие тёмные волосы, большие голубые глаза, тонкие губы, а нос был чуть выдвинут вперёд. Он снова повернулся к витрине и ещё несколько секунд смотрел на неё, похлопывая рукой по правому боковому и заднему карманам брюк. В боковом кармане он нащупал то, что искал, и вытащил из него бумажные деньги. Он пересчитал их — там была тысяча рублей. Он посмотрел на деньги, потом на витрину с десертами, переложил деньги в левый боковой карман брюк и пошёл дальше.

Проходя мимо Вечного огня, он решил срезать путь и пошёл по диагонали через сквер, чтобы по пути зайти в продуктовый магазин. Шагая по скверу, он поднял глаза на высокую стелу — это был монумент Победы, у подножия которого всегда горел Вечный огонь. Его воздвигли в шестидесятые годы в честь памяти погибших солдат в годы Великой Отечественной войны.

По скверу прогуливались мамочки с колясками, а на одной из лавок сидели местные «социальные элементы» — проще говоря, алкаши. Как у них принято было говорить, они «поправляли здоровье» за бутылкой русской водки.

— Эй, малой! — услышал он хриплый голос одного из пьяных мужчин.

Резко повернувшись на голос, он внезапно увидел рвущегося с поводка большого добермана: пёс, оскалив зубы, гавкал на него. Доберман бежал рядом с хозяином, который проезжал

мимо на велосипеде. От перепуга пацан бросил палку, которую всё это время таскал с собой, и со всех ног помчался через сквер.

Добежав до соседней улицы, на которой стоял обшарпанный продуктовый магазин под названием «Юбилейный», он по ступенькам заскочил в него.

— Эх ты, какой юркий! — воскликнула бабуля, которая у магазина, прямо на бетонном парапете, продавала жвачки, сигареты и всякую мелочёвку. — И откуда у них столько энергии?

Мальчишка зашёл в магазин и, увидев перед молочным отделом очередь, никуда не оглядываясь, напрямик двинулся к нему.

— Эй, дружок, ты куда? А ну-ка в очередь, бегом! Ишь ты!.. — услышал он возмущение какой-то женщины.

— Я только спросить.

— Тут всем только спросить, быстро в очередь! — грозно прокричала она, поставив руки в боки. Мальчик молча вернулся и встал в конец очереди.

Очередь была небольшая, человек семь-восемь, и в ней были только взрослые, не считая его самого. Хоть он был для своего возраста и высокий, но по сравнению с остальными стоявшими в очереди он казался шмакодявкой. Чтоб как-нибудь скоротать время, он стал разглядывать людей и магазин. Это был не супермаркет самообслуживания, каким являлся магазин для любого среднестатистического западного обывателя, а обычный старый магазин из советской эпохи, в котором были разные отделы и за каждым из этих отделов был закреплён свой продавец, подававший покупателю из-за прилавка тот или иной товар.

Отделы располагались П-образным способом. Прямо по курсу был отдел молочки, а сразу рядом, левее от него, — хлебный отдел. По левую руку от мальчика располагался отдел с напитками. Там продавались как алкогольные, так и безалкогольные напитки, сигареты, спички и всякая мелочь.

Рядом с отделом напитков была зона для покупателей: там стояло несколько столов для удобства — на них можно было поставить сумки и расфасовать покупки. По правую руку, ближе к молочному отделу, стояла бакалея с крупами, макаронными изделиями, бобовыми, растительными маслами и так далее. И в самом углу, справа, ближе к выходу, был расположен мясной отдел. Это был особый отдел — разумеется, самый дорогой и привлекательный. Запахи от него расходились по всему магазину.

Там были представлены разные виды колбас, сало, деликатесы и, да, его самые любимые — копчёные сардельки. Их вкус ему запомнился очень хорошо. Раньше папа их часто покупал, пока жил с ними и не ушёл после развода с мамой. Да, он ушёл из семьи, но ребёнок в свои одиннадцать лет уже очень хорошо осознавал, что папа ушёл не от них, а от мамы. А дети просто по решению суда остались с матерью.

К сожалению, суд не смог удовлетворить ходатайство отца оставить детей с ним, так как отец был болен страшной и неизлечимой болезнью — у него был рак. Суд посчитал, что для детей это большой риск, и вынес решение в пользу матери. Да, это было вроде бы вполне логичное и законное решение, но судья даже и представить себе не мог, что оно окажется роковым в жизни этого мальчика и его младшей сестры — о чём ты, мой дорогой читатель, впоследствии и узнаешь.

Да, жизнь многогранна, сложна и непредсказуема. Иногда лучше нравственный произвол, чем безнравственные законы. Это было почти четыре года назад, и мать на тот момент уже имела пристрастие к наркотикам. Судья это знал, но не нашёл достаточной доказательной базы, чтобы принять решение в пользу отца. Поэтому дети остались с матерью.

Мальчишка, разглядывая мясную витрину в глубокой задумчивости, даже не заметил, как подошла его очередь.

— Вовка, ты что ли? — услышал он громкий и бодрый голос продавщицы. Его звали Вова, Владимир Алмазов.

— Здрасьте, тётъ Том!

— Привет-привет! — с улыбкой отвечала она, глядя на него из-за прилавка сверху вниз.

Тёте Томе на вид было около сорока лет. Она была среднего роста, с короткими кучерявыми волосами, окрашенными в каштановый цвет. Черты лица её были угловатые и несколько мужеподобные, но добрые прищуренные глаза и тонкие губы с улыбкой выдавали в ней очень светлого и позитивного человека. Тамара была доброй женщиной и очень любила детей — по ней это было сразу видно. Несмотря на то что её безработный муж, алкаш и забулдыга, постоянно пил и частенько её поколачивал, это не мешало ей вставать каждое утро и идти с хорошим настроением на работу. Отработав целый день на ногах за прилавком, у неё хватало сил возвращаться домой, готовить еду, стирать, убирать и уделять время детям. Это была сильная женщина, воистину великая.

— Ну, как дела? Чего тебе сегодня? — задорно спросила она у него, улыбаясь белыми зубами.

— Почём сегодня маргарин и хлеб белый? — спросил Володя, доставая из левого кармана брюк деньги.

— Тысяча шестьсот за кило маргарина, а хлеб — по двести сорок за буханку.

Так как её напарница с хлебного отдела заболела, сегодня тётя Тома работала на два отдела: на молочке и на хлебе. Пару секунд помедлив, Вова спросил:

— А серый почём, «Украинский»?

— «Украинский» — по двести, — ответила продавщица.

Володя пересчитал деньги и протянул десять сторублёвых купюр тёте Томе.

— Мне полкило маргарина и буханку серого.

В те годы инфляция летела таким бешеным темпом, что тысяча рублей была той суммой, на которую можно было купить лишь то, что Вова, собственно, и купил. Тётя Тома сходила на соседний отдел за хлебом и завернула маргарин в жёлтую бумагу.

— Что ещё? — спросила она.

— Всё.

— Сметану, может? Молоко?

— Нет, всё, больше денег нет, — ответил Вова, держа в руках хлеб и бумажный свёрток.

— Так в долг могу записать, на маму твою, если хочешь. У неё список вон какой! — Она смотрела в свою тетрадку и указательным пальцем переворачивала листы. — На молоко для детей, я думаю, не обеднеет?

— Нет, — ответил Вова. — Я в долг не беру. А мама как-нибудь со своим долгом сама разберётся.

— А коль срочно надо будет, коль припечёт, что, тоже не возмёшь?

— Когда наш папа жил с нами, он нас учил, что брать в долг — позорно. «Лучше терпеть унижение, работая на трёх работах, чем, унижаясь, просить в долг», — так он говорил.

Тётя Тома с улыбкой и восхищением смотрела в лицо ребёнка, скрестив руки на груди.

— Да уж, — тихо сказала она. — Может, и так. — Наступила трёхсекундная пауза. — Ну ладно, беги. И передавай от меня привет маме.

— Хорошо, спасибо! — уходя, через плечо вскрикнул детским голосом Вова и выскочил из магазина.

В это время бабуля медленно собирала в свою сумку товар с бетонного парапета, а рядом с ней стояли два милиционера в фуражках. Один из них, по-видимому, оформлял на неё протокол за незаконную торговлю.

Лизочке Алмазовой было всего девять лет. Она была низкого роста и худенькая. Её ласковый и хрупкий характер прежде всего выражался во внешности — это было легко понять. У неё было светлое, худенькое, бледное личико; милые, по-детски розовые губки напоминали небольшой бантик, а нос был слегка курносый. На фоне худощавого личика её всегда широко открытые глаза зелёно-синего цвета казались немного больше, чем положено. Но это только на первый взгляд: щёчки от худобы были чуть впавшими. Тёмно-русые длинные волосы были свободно распущены и ложились на плечи.

Лиза очень сильно любила своего старшего брата Вовку и была к нему привязана. Она всегда «хвостиком» ходила за братом и не оставляла его ни на минуту: куда Вовка, туда и она. Она души не чаяла в брате — он был для неё всем. Хотя он и был всего на два года старше, она воспринимала его как отца, как свою опору и защиту. Лиза была искренне убеждена: что бы ни случилось с ней, что бы ни произошло, он всегда будет рядом и поможет.

В школу по утрам они всегда ходили вместе, так как уроки начинались в одинаковое время. А из школы — уже как получалось: иногда вместе, а иногда по отдельности, смотря сколько у кого уроков. Да и Вовка не всегда после уроков шёл сразу домой. Часто он с друзьями ходил куда-то по делам и задерживался ещё на несколько часов, поэтому приходил домой позже сестры. Сестра даже не понимала, что это за дела. На её вопрос: «Ты куда?» — он всегда отвечал: «Надо».

Хотя Вовка был ребёнком вежливым и общительным, он всё же не был чересчур болтливым. Он не мог терпеть долгой и пустой болтовни в компании, а слишком громкие дети доставляли ему дискомфорт. Сестру он тоже очень любил. Для него она была самым близким и дорогим человеком, его радостью и отрадой. Так как она была девочкой и младше него, он понимал, что в ответе за неё и никто, кроме него, не сможет её защитить и уберечь. Ему никто об этом не рассказывал, не учил его этому — он просто ощущал это, чувствовал инстинктивно.

Если иногда она подолгу задерживалась в школе или просто куда-нибудь исчезала на длительное время, он начинал волноваться и переживать. Вова скорее был рациональным мальчиком, чем эмоциональным. Он всегда и во всём любил порядок — как в вещах, так и в отношениях. Он никогда попусту не лез на рожон и старался избегать ненужных конфликтов, так как понимал последствия тех или иных действий.

Он знал, что если дело дойдёт до милиции, а вслед за тем и до органов опеки, то их не самая лучшая семейная ситуация выплывет на поверхность, мать лишат родительских прав, а им с сестрой будет уготовано не самое светлое будущее. Хотя уже и на тот момент они находились в далеко не лучшем положении по сравнению с другими детьми — их друзьями и одноклассниками.

Да, Вова был рациональным, предусмотрительным и старался никуда не влезать. Но если вопрос касался безопасности его сестры, если вдруг кто-нибудь пытался её обидеть, у Вовы пропадали все инстинкты самосохранения. Ему было неважно, кто обидчик, какого он возраста и сколько их вообще. За сестру он был готов вцепиться хваткой бультерьера в горло обидчика и перегрызть его.

Около года тому назад с ними случился неожиданный случай, который сильно потряс и напугал Вову. Никогда ещё в жизни ему не доводилось испытывать такие ужасные чувства.

Дело было следующее. Возле их школы находился небольшой пруд, скорее болото. Зимой, когда оно замерзло и покрывалось толстым слоем льда, многие дети из школы ходили по льду через это болото, чтобы сократить время на дорогу домой. Обычно весь учебный год школьники шли из школы стандартной, привычной дорогой — по тротуару, обходя болото и все огороды, которыми оно было окружено. Но зимой этот путь можно было значительно сократить и попасть домой раньше минут на десять-пятнадцать. Вот и Вова в этот день не пренебрег этой идеей и предложил товарищам пойти по короткому маршруту.

— Почему бы не сэкономить пятнадцать минут сегодня? И так было по семь уроков у всех, быстрее домой доберёмся, — предложил он, и ребята согласились.

Все пошли по льду через болото. Самыми первыми пошли Мишка, Сергей и Алина. За ними, шагах в десяти, шёл мальчишка из параллельного класса со странной фамилией Анойка, а рядом с ним, держа двумя руками ранец за плечевые ремни и о чём-то болтая, плелась Лиза Алмазова, сестра Вовы. Анойку ещё дразнили в школе из-за его фамилии и постоянно грустного лица, обзывали «Анойка-помойка». Далее, в шагах пятнадцати за ними, гуртом шли ещё четверо: сам Вова, Кирилл и ещё двое из 7 «А» класса — сразу за ними.

Вова постоянно смотрел вперёд, внимательно слушал, о чём говорили товарищи, и периодически кивал головой, как бы соглашаясь с говорящим. Это был конец января. Лютые крепёжные морозы уже закончились, и вот уже как с неделю температура держалась около нуля.

Никто не обратил внимания и даже не предусмотрел того, что слой льда, по логике вещей и согласно законам физики, естественно, стал тоньше. Все просто шли по привычке и весело общались: ведь уже почти заканчивался второй месяц зимы, а холодная погода с ветром была привычным делом, и небольшие перепады температуры особо не замечались. Вот и сегодня никто даже не подозревал, что на улице ноль, а лёд уже не так крепок, как к тому привыкли.

Лиза, забалтывая Анойку своим детским тарактением, плелась на полтора шага сзади от него, за его правым плечом. А Вова, сосредоточенно слушая друга, шёл позади Лизы — шагах примерно в десяти.

И вдруг, только Вова успел повернуть голову, что-то отвечая Кириллу, как услышал громкий крик впереди. Резко повернув голову вперёд, он с ужасом обнаружил, что Анойка провалился под лёд: по грудь уже находился в воде, бил руками об лёд и пытался за что-то схватиться, крича: «Помогите!» Его маленькая перепуганная сестра сидела на льду в двух шагах от Анойки, плакала и не могла сказать ни слова. Если бы она хотя бы на полтора шага находилась ближе к Анойке, то тоже провалилась бы в эту ужасно холодную, ледяную воду.

Вода, которая сводит в судорогу всё тело, если в неё зимой попадаешь. От сильного холода человек не может двигаться в воде. А если прибавить к этому то, что вся одежда впитывает воду, то под таким весом человек просто уходит на дно. Шансы спастись в этом случае без посторонней помощи практически равны нулю.

Вдруг Анойка, крича и махая руками, машинально схватил Лизу за ногу и, пытаясь выкарабкаться, потащил её на себя. От этого и без того перепуганная Лиза стала кричать ещё сильнее, прямо истерически визжать, и пытаться руками ухватиться за скользкий лёд.

Конечно, Анойка не понимал, что он делает, не осознавал, что за собой в воду тащит маленькую тоненькую девочку, вес которой по сравнению с ним был ничтожно мал. Тонущий мальчишка просто инстинктивно схватился за то, за что мог, и пытался удержаться, чтобы не уйти под воду, куда уже несколько секунд его тащили мокрая одежда и судорога ног, находящихся в воде.

Это всё длилось совсем немного — буквально четыре или пять секунд. Но для тонущего мальчишки и перепуганной Лизочки это было целой вечностью.

В это же время Вова, который это увидел и услышал за своей спиной громкий хохот, исходивший от двух семиклассников, идущих позади него, пулей бросился к сестре.

Мгновенно, за сотые доли секунды, он почувствовал огромный твёрдый ком в груди — он подбирался к горлу и давил с такой силой, что Вове тяжело было дышать. Сердце забило очень быстро, и в висках он ощутил пульсацию. Голова как будто закружилась, и несколько секунд картинка перед глазами была похожа на нереальное изображение из сна: объекты словно немного затуманены и не имеют такой чёткой трёхмерности и осязаемости, как в реальности.

Подбегая к сестре, он споткнулся и ещё пару метров прополз по льду животом. Схватился за её школьный ранец, потом за куртку и начал ползти вперёд. Дополз до её ноги, за которую мёртвой хваткой держался Анойка, и, схватив Анойку за руку, отцепил её от ноги сестры. Он

оттолкнул сестру в сторону с криком: «Назад! Уходи!» — а сам стал двумя руками тянуть тонущего Анойку обратно.

Вес Анойки из-за мокрой одежды стал довольно тяжёлым, и Вова услышал, как под ним самым начинает трескаться лёд. На секунду он подумал, что стоит прекратить тянуть, отпустить его и начать медленно ползти обратно — иначе скоро он и сам окажется под водой. Но инстинктивно он не мог этого сделать, не мог бросить его руки. Он и сам не понимал почему — просто продолжал изо всех сил тянуть Анойку на себя, одновременно пятясь назад.

Через несколько секунд к нему сзади подбежал Кирилл и стал тянуть его на себя, а Лизе сказал, чтобы та очень аккуратно, не спеша, медленно продвигалась к берегу, к ребятам. Мишка, Сергей и Алина, которые изначально были впереди, уже стояли на берегу и внимательно следили за Лизой, готовые броситься ей на помощь, если что, — чтобы она безопасно дошла до берега.

Уже через несколько минут все с осторожностью добрались до берега. Вова обнял испуганную сестру и успокаивал её. Рядом с ними на мокром снегу сидел Анойка с посиневшими от холода губами и дрожал. Он плакал и что-то бормотал себе под нос, словно бредил. Его одежда была вся мокрая, а тело тряслось так сильно, что казалось, будто он сейчас потеряет сознание или просто умрёт от переохлаждения.

Вдруг все услышали громкий, приближающийся хохот. Это были те самые дружки из 7 «А» класса, которые наблюдали за случившимся со стороны и ржали как кони.

— Ты видел их рожи, Падоля?

— Конечно, Ивашка! Просто умора, я не могу с них... Ха-ха-ха! — по-идиотски начал ржать Падоля.

— А эту малявку Алмазову видел, как она испугалась? — продолжал Ивашка. — Ха-ха! Ну и голос у неё был, как у свиньи резаной! — ехидно смеялся он.

— Не смей так говорить про мою сестру! — подбежал к нему Вова и стал смотреть со злостью прямо ему в лицо.

— Ути-пути... А кто это у нас тут вылутился — хрен моржовый? — с сарказмом и глупой улыбкой дразнил его Ивашка.

— Быстро извинись перед моей сестрой!

— Ой-ой-ой! А то что будет? Что ты мне сделаешь? — ещё ехиднее и громче завопил Ивашка и приблизил своё мерзкое лицо с кривыми зубами вплотную к лицу Вовы.

Вова, взревев диким воплем, как медведь, схватил Ивашку за горло двумя руками и всем телом навалился на него. Тот споткнулся, и они вдвоём упали на мокрый снег. Вова сидел на Ивашке сверху и, продолжая кричать диким криком, душил его за горло.

Алина подбежала к Лизочке, схватила её за руку и дёрнула в сторону — на всякий случай, чтобы обезопасить. Лиза снова стала плакать.

— Хорош! — прокричал Падоля. — Хватит, Алмазов, слезай с него!

Алмазов продолжал давить Ивашке на горло и сидеть на нём. Хотя Вова был на год младше Ивашки и учился только в шестом классе, по весу и росту он был даже немного больше него. Миша и Кирилл схватили Вову под мышки с двух сторон и стянули с Ивашки. Иначе, если бы это продолжалось, решили они, Вова и вправду задушил бы Ивашку.

Анойка, уже немного успокоившись, дрожал и наблюдал за происходящим, сидя на земле.

— Быстро извинись перед моей сестрой! — прокричал Вова, пока Ивашка поднимался с земли и стряхивал снег со штанов.

— Ивашка, хорош! Ты перегнул палку, — обратился к нему Падоля. — Тем более ты знаешь, что за семья у них! — Приблизившись к его лицу, он почти прошептал эти слова, чтобы никто не слышал.

— Ладно, извините! — нехотя, с пренебрежением и сквозь зубы прошипел Ивашка. — Пошли, Падоля!

С дрожащего Анойки сняли мокрую куртку, и Мишка надел на него свою, сухую. Вова снял с себя шапку, надел Анойке на голову и сказал:

— Пойдёмте, иначе он сейчас точно дуба даст!

И они, не торопясь, по натоптанной тропинке двинулись через огороды.

До самого мая, до самых жарких дней, пока в Хадыженске не наступило по-настоящему лето, Вова не мог успокоиться и постоянно вспоминал этот ужасный случай. Его это мучило и не давало покоя. Ужасным для него был не тот факт, что он сцепился с Ивашкой и чуть его не задушил, а то, что его сестра чуть не погибла. Она была на волосок от смерти — ужасной и нелепейшей смерти, в которой виноват был бы только он, её брат.

«Как же я мог такое допустить? Как мог предложить такую нелепицу — пойти по тающему льду, да ещё и потащить с собой сестру? Ну и тупица же я!» — эти мысли мучили его постоянно. Он каждый день корил себя за это и не мог представить, что с ним стало бы, если б его единственная сестрёнка, самый дорогой ему человек, погибла.

Но летняя жара, которая приходит в Краснодарский край уже в конце апреля или в мае, помогла ему постепенно уйти от этих мыслей и воспоминаний. Оказалось, что случившееся с ними в тот день было и к лучшему: они никогда больше не ходили через болото по льду, а старшеклассники впредь даже головы не поворачивали в сторону Алмазовых, не говоря уже о том, чтобы говорить что-либо плохое в их адрес.

Латунный ключ бледно-жёлтого цвета вошёл в замочную скважину, и Лиза Алмазова хотела его провернуть по часовой стрелке, чтобы отпереть замок входной двери. Ключ не повернулся, потому что замок был открыт. Лиза потянула за ручку двери, и дверь с лёгким скрипом открылась.

«Странно!» — подумала она: у них было принято, что дверь всегда должна быть закрыта на замок.

Она вошла, заперла за собой дверь и сняла обувь. Ключ от квартиры, который она всегда носила на шее, чтобы не потерять, повесила на гвоздик. Сняв портфель, она бросила его в прихожей на пол и отворила дверь в спальню матери.

Дверь спальни мамы находилась прямо напротив входной двери в квартиру; их разделял только длинный коридор, который проходил перпендикулярно этим двум дверям. По левую сторону от входа, в конце коридора, была дверь в её комнату с братом (они жили в одной комнате). По правую руку, через три метра, коридор под углом в девяносто градусов поворачивал налево. В нём были две двери: в туалет и в ванную комнату (она располагалась ближе к кухне). По прямой был вход в саму кухню.

Комната мамы была пустой — мамы не было. Там царил ужасный бардак. Комната была квадратной формы и средних размеров. Она казалась очень тёмной: практически весь день в неё через окно попадало очень мало света — окно находилось в тени деревьев, которые росли почти вплотную к дому.

Лиза сразу ощутила ярко выраженный запах сырости, табачного дыма и медицинских препаратов. В комнате было очень грязно. Старые обои на стенах были грязными, бледно-жёлтого цвета, и создавали гнетущую атмосферу. С потолка в некоторых местах уже осыпалась штукатурка; торчала лишь одна лампочка в чёрном патроне — люстры не было. Пол был голым и очень грязным: на нём не было ни линолеума, ни ковра — просто голые доски, покрашенные чёрной краской.

Слева от входа стоял старый шифоньер с одной сломанной дверцей, а справа, напротив него, — кровать. Кровать была не застелена: грязная мягкая простыня покрывалась жёлтыми пятнами. Подушки не было вовсе — вместо неё у изголовья валялись какие-то старые тряпки. Синее одеяло с тремя полосками лежало без пододеяльника.

По центру комнаты стоял небольшой деревянный столик. На нём находились пепельница с тлеющей сигаретой, зажигалка и пачка болгарских сигарет в мягкой упаковке с надписью «Опал». На полу, рядом с кроватью, стояла пластиковая бутылка, наполовину заполненная водой.

Лиза прикрыла дверь и, подняв с пола в прихожей свой рюкзак, пошла в свою комнату. Их с братом комната была маленькой и прямоугольной. Так как окно выходило на другую сторону дома — во двор — и рядом не было деревьев, комната была очень хорошо освещена.

Окно находилось с левой стороны (по длинной стене), а напротив него, у противоположной стены, стоял маленький раскладной диван. На полу лежал тонкий старый ковёр. Дальше, у короткой торцевой стены, стояла детская односпальная кровать — на ней спала Лиза.

Вместо шифоньера возле дивана стоял сервант — ещё бабушкин, из советской эпохи. В него Лиза с братом складывали свою одежду. По центру серванта была большая откидная дверца, откидывающаяся вниз: за ней было предусмотрено пространство для бара. Но, разумеется, какой бар мог быть в детской комнате... За дверцей Лиза с братом хранили свои школьные принадлежности, а на самой дверце, когда её открывали, делали уроки — для них это был практически письменный стол.

Напротив Лизиной кровати, у короткой противоположной стены, стояла тумба для телевизора с самим телевизором.

Сразу, когда Лиза вошла в комнату, она не обратила внимания на то, что телевизор отсутствует на своём месте. Только спустя минуту она повернулась в ту сторону и с огорчением это заметила.

Телевизор был единственным развлечением для них с Вовкой — тем, что осталось с тех пор, как ушёл отец. Они часто смотрели по нему мультфильмы и разные интересные передачи. Но теперь смотреть было нечего. Это сильно расстроило Лизу.

Она не знала, куда пропал телевизор, но догадывалась: «Скорее всего, это опять мама его забрала и отнесла в ломбард, чтобы у неё были деньги на лекарство», — подумала она. Обычно в последнее время мама так часто делала. Поскольку она сильно болела и не могла работать, а деньги на лекарства были нужны, она уносила из дома всё, что можно было продать, и продавала.

Чтобы продать и сразу получить деньги, она обычно несла товар в ломбард на Фрунзенской улице — это было недалеко от их дома. Обычно сразу из ломбарда она шла с дядями или тётями, такими же больными, как и она, в аптеку, где они покупали лекарства. Мама делилась лекарством со своими друзьями, а иногда и они с ней делились. По крайней мере, так ей это объяснял старший брат, когда она спрашивала: «Почему мама постоянно всё уносит из дома?»

Вдруг она услышала из кухни свист. Сперва он был тихим, но очень быстро нарастал по громкости. Это был чайник со свистком — обычный железный чайник, на носик которого надевали свисток в виде колпачка. Когда вода в нём закипала, пар выходил через отверстие, и раздавался громкий свист.

Лиза дошла до кухни и выключила газовую конфорку. Кухня тоже была грязной и засаженной: десятилетиями слои жира и гари накапливались на стенах и мебели. Над окном у потолка разрасталась паутина.

Слева от окна, в углу, стоял старый холодильник «Минск» с облезлой краской; в некоторых местах, в основном на углах, он проржавел. Слева от холодильника располагался обеденный стол с одной табуреткой. В противоположном конце кухни стояла газовая плита, а справа от неё, в углу, — мойка, под которой воняло из переполненного мусорного ведра.

Лиза открыла хлебницу, схватила из неё последний чёрствый кусок чёрного хлеба и стала его жевать. Она открыла холодильник, обвела его взглядом и не увидела ничего, кроме заплесневелых баклажанов в банке — они уже несколько недель там стояли.

Взяв переполненное мусорное ведро, она подняла с пола ещё несколько бутылок и понесла выбрасывать на улицу.

Они жили на первом этаже четырёхэтажного кирпичного дома. Поэтому уже через несколько секунд, проскочив шесть ступеней вниз и открыв дверь, Лиза с мусорным ведром оказалась на улице. На лавочке возле подъезда сидели три бабульки: Вера Васильевна, соседка Лизы (она жила тоже на первом этаже, через стенку), Зинаида Петровна и ещё какая-то пожилая женщина, которую Лиза не знала.

— Здравсьте, баб Вер! — немного с улыбкой и громко поздоровалась Лиза.

— Лизонька, привет, солнышко! — ответила Вера Васильевна.

Вера Васильевна была пожилой пенсионеркой и жила одна — муж умер давным-давно. Детей у них за всю жизнь так и не появилось. Но она очень любила детей, всех детей. Вове с Лизой она периодически помогала чем могла: угощала конфеткой, яблочком да разными другими сладостями после того, как пенсию принесут. Переживала за них как за своих, никогда не скупилась на доброе ласковое слово — потому что любила их и потому что знала, в каких условиях им приходится жить.

— Как дела у тебя, лапочка? — продолжала со светлой улыбкой на лице Вера Васильевна, опираясь руками на свою палку.

— Нормально, спасибо, — ответила Лиза.

— Чёт ты рано сегодня из школы!

— Ага, уроков мало было.

— Мама твоя сегодня опять с телевизором куда-то пошла. Поди, опять в ломбард понесла?

— Наверное, не знаю, — не останавливаясь, ответила Лиза и направилась в сторону мусорной свалки.

— Ай-йй-йй... — вполголоса проговорила Вера Васильевна и продолжила о чём-то шептаться с подругами, кивая головой и периодически бросая взгляд Лизочке вслед.

Когда Лиза вернулась с пустым ведром домой и закрыла за собой входную дверь, то услышала какие-то шорохи в туалете. Сливной бачок начал сливать воду. «Значит, мама уже дома», — решила она.

Лиза прошла на кухню и поставила ведро на место, после этого помыла в ванной руки и вышла. Войдя на кухню, она увидела маму, которая сидела на табуретке спиной к ней. Левая рука её лежала на кухонном столе, а правой рукой она пыталась завязать себе резиновый жгут чуть выше локтевого сгиба на левой руке.

Она была невысокого роста и очень худая. Наверное, сороковой размер одежды подошёл бы ей в самый раз. На теле у неё из одежды ничего не было, кроме старого замызганного лифчика. Рёбра на тощем теле торчали. На ногах — спортивные серые штаны фирмы «Пума», ступни были босыми. Её грязные и засаленные волосы, собранные в хвост, были слипшимися и имели рыжий цвет.

Обе руки в области локтевых сгибов и запястий были в синих шишках и шрамах. Из-за них вены уже очень трудно было найти. Следы от уколов были видны даже под мышками.

Худое бледно-серое лицо имело болезненный вид. Стекланный взгляд с выпученными глазами и расширенными зрачками был очень неестественным, нервным и раздражительным, словно в лихорадке. Тонкие синие губы дрожали, а сквозь них во рту виднелись чёрные гнилые зубы.

— Мама, тебе снова плохо? — с тревогой спросила Лиза.

— Да, дочка, да, — с кривой раздражённой улыбкой прохрипела мама. — Маме нужно снова принять лекарство. Помоги мне, придержи вон тут. — И она кивнула, взглядом указывая на конец резинового жгута, который был ближе к дочке.

Двумя маленькими ручонками Лиза взялась за тот конец жгута, который был ближе к ней, а мама, сделав узел, крепко его затянула, держась правой рукой за противоположный конец. Всё тело её дрожало. Она всем телом ощущала невыносимую боль: мышцы и суставы выворачивало наизнанку, в груди была острая боль. Лицо покрылось потом, во рту стояла сильная сухость. Помимо физических мучений, она испытывала в душе тревогу и страх.

Весь тот ад, который с ней творился, для Лизочки казался просто болезнью. Лиза думала, что мама просто болеет чем-то. А по сути говоря, да — мама действительно была больна. Она болела очень страшной болезнью — болезнью, от которой нет лекарства и после которой выздоравливают немногие, лишь единицы. Она болела наркоманией и плотно сидела на игле.

Старший брат Лизы, Вова, уже понимал это и всё знал. С пятого класса подростков в школе просвещали на эту тему. Дети уже знали, что это за зло и что притрагиваться к нему очень опасно.

Дрожащей рукой взяв шприц со стола, мама с ощутимым чувством сожаления и стыда посмотрела на дочь. Лиза переводила взгляд с мамы на шприц и обратно.

Прицелившись иглой в вену, мама сделала двухсекундную паузу, чтобы сосредоточиться, и резко ввела иглу. Выждав ещё полторы-две секунды, она не надавила на шток, а, наоборот, немного выдвинула его в обратную сторону, чтобы втянуть в шприц немного крови. Прозрачный цилиндр слегка наполнился кровью, которая начала перемешиваться с коричневой жидкостью.

Мама ослабила резиновый жгут на руке и ввела красно-коричневую смесь в вену. Вытащив иглу, она чуть не вздрогнула: Лиза заметила, как несколько капель красной крови с коричневым оттенком брызнули из вены маме на кожу. Мама быстро пальцами зажала ранку, согнула левую руку в локте и опустила голову на стол.

Лиза с грустными глазами стояла рядом и детской рукой гладила мамины волосы.

— Тебе уже легче, мамочка? Не болей, пожалуйста! Я так не хочу, чтоб ты болела. Я тебя очень люблю, мамуля.

Домой Вова пришёл примерно в обед. Портфель на одном ремне висел за спиной, а в руках были хлеб и маргарин. В прихожей он быстро скинул обувь, не нагибаясь — нога об ногу, — и отнёс продукты на кухню. Мать уже спала в своей комнате, а Лиза делала уроки.

— Привет, Лизок! — вошёл Вова в комнату и бросил портфель на диван. Из портфеля вместе с тетрадками вывалились какие-то тряпки и средство для чистки окон «Секунда».

— Привет, братишка!

— Мамка наш телевизор вынесла? — спросил он, глядя на пустую тумбу. — Мне баба Вера сказала.

— Да, сегодня... И как мы теперь будем смотреть наши мультики и «В мире животных»? Вова пошёл в комнату к матери. Дверь была закрыта, и он постучал.

— Мам! — Тишина, никто не открывает. — Мам! — снова крикнул он и постучал. Но мама его не могла слышать: она была в отключке.

— Я знаю, где этот ломбард, — ободряюще сказал Вова и обнял сестру за плечо. — Я обязательно выкуплю телевизор, не переживай.

— У нас нет денег, за что ты выкупишь?

— Не волнуйся, найду. Я вот сегодня, например, тысячу заработал! — хвастливо сказал Вовка. — Купил хлеба с маргарином — завтра будет что в школу на обед взять.

— Где это ты заработал? Опять в карты выиграл?

— Да не-е-ет, карты я давно бросил. Там все пацаны старше меня, одни жулики, с ними опасно связываться: разденут, разуют и без рубля оставят. Тут другое дело есть. Я сегодня только тысячу заработал, а завтра дольше буду работать и больше заработаю. Куплю тебе что-нибудь вкусенького. Чего хочешь вкусенького? Заказывай!

— Майонеза хочу. Купи майонеза, давно мы его не ели.

— Хорошо, постараюсь.

— Так что за работа у тебя, Вовка? Ну скажи?

— Есть одно дело, потом скажу. А может, и покажу даже, если захочешь, — с улыбкой сказал Вова. — Пойду лучше бутербродов намажу: сейчас поедим, и на завтра в школу будет. Ты хочешь есть? — И, не услышав ответа, Вова пошёл на кухню.

Он нарезал хлеб и намазал его маргарином. По три куска отложил себе и сестре — на завтра, в школу, — а два куса понёс с собой в комнату. Отдал один бутерброд сестре, со вторым сел на диван, достал учебник истории и начал его листать. Во второй руке у него был бутерброд, который он жевал.

— Я вот, Лизка, знаешь, что видел сегодня? — говорил он, листая страницы. — Я в новом кафе на Заречной, или как её там... В пекарне, да, в пекарне за большим стеклом видел целую витрину заграничных сладостей! Ты такого никогда не видела! — И он стал перечислять всё, что там увидел. — А ещё — копчёные сардельки в «Юбилейном», ммм... Папа часто такие покупал, когда с нами жил! И вот ты знаешь, Лизка... — Лиза жевала хлеб с маргарином и внимательно слушала старшего брата. — Говорят, что в Америке такие сладости продают везде, на каждом шагу. И там они такие дешёвые, что каждый ребёнок может себе их позволить! Вот когда мы разбогатеем, я тебе целую витрину таких куплю, хочешь? — Лиза с улыбкой кивала, прожёвывая хлеб. — А себе куплю целый ящик копчёных сарделек! — с восторгом мечтал Вова.

— Это будет, когда мама выздоровеет? — спросила Лиза.

— Да, когда выздоровеет, — ответил Вова, смотря на сестру исподлобья.

Он доел свой бутерброд и прилёг на диван с книгой. Через минут двадцать он уснул.

Через несколько часов Вова услышал, как в прихожей хлопнула входная дверь. Он резко встал и прошёл туда, чтобы посмотреть, кто там.

— Лиза! — крикнул он. Ему никто не ответил. — Лииз! — повторил он и заглянул на кухню. На кухне тоже никого не было.

Он толкнул дверь в комнату матери, но она, как всегда, тоже была заперта. Тогда он отворил входную дверь и выглянул в подъезд. В подъезде он успел заметить силуэт сестры, выходявшей на улицу.

Вова быстро надел свои белые кроссовки, захватил с полки в прихожей ручной фонарик на батарейках (на улице уже было темно), ключи — и побежал за ней. Открыв подъездную дверь и выскочив на крыльцо, он увидел, как сестра уже уходит со двора и направляется в сторону улицы Гоголя. Вова побежал за ней.

Оказавшись на улице Гоголя, он увидел Лизу впереди себя — метрах в трёхстах: она шла вдоль улицы по тротуару. Вова снова ей крикнул, но она не обернулась, как будто вовсе его не слышала.

Вова снова побежал за ней и заметил очень странное и необычное явление: как бы быстро он ни старался бежать, всё равно не мог её догнать, несмотря на то что Лиза была меньше него, постоянно шла пешком и вообще не переходила на бег. Он продолжал ей кричать, но это было бесполезно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.